

Сергей Наумов

Скажи им, пусть помнят

Сергей Наумов

Скажи им, пусть помнят

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160026

Сергей Наумов. На расстоянии крика: Вече; Москва; 2004

ISBN 9533-0276 2

Аннотация

Сергей Наумов относится к тем авторам, кто создавал славу легендарного ныне "Искателя" 1970 – 80-х годов. Произведения Наумова посвящены разведчикам, добывавшим сведения в тылах вермахта, и подвигам пограничников.

Содержание

Сергей Наумов

Скажи им, пусть помнят

* * *

– Была ли у вас жизнь, рядовой товарищ Кудря? – спросил капитан Тасманов, и все увидели, как вздрогнули крылья его тонкого носа и припухлые от недосыпания веки прикрыли серые не улыбочивые глаза.

Рядовой Кудря – худенький парнишка из пополнения стоял перед капитаном навытяжку, не смея поднять глаз.

– Не было пока ее у вас, рядовой Кудря, – сказал Тасманов и распахнул свои жесткие, колючие глаза. – Вас убьет первый немец, который увидит. А вы проситесь в разведку... – Капитан протянул солдату финский нож. – Если вы хотя бы оцарапаете меня – пойдете на задание, если нет – будете учиться владеть холодным оружием под руководством сержанта Петухова. Итак...

Капитан рисковал, но совсем немного. Никто в дивизии не мог "взять" Тасманова. Он знал дзюдо с детства.

Тихон Кудря долго рассматривал оказавшийся в его руке нож, потом вопросительно взглянул на капитана.

Тот стоял, широко расставив ноги, чуть покачиваясь, и мурлыкал по-немецки известную в ту пору песенку "Ах,

Майн либер Августин".

Сержант Петухов подтолкнул Кудрю:

– Приказываю бесшумно снять часового... Вперед...

Разведчики расположились вокруг в ожидании "спектакля". Все они прошли "школу Тасманова" и теперь знали наперед, что произойдет.

Кудря вдруг снял шинель и отбросил ее в сторону, шапка полетела следом. Он расстегнул рукава гимнастерки и отпустил ремень.

– Сапогиними, – подсказал кто-то.

Тихон послушно снял сапоги, и, когда босой неслышно шагнул вперед, во всей его нескладной фигуре появилось что-то по-рысьи настороженное, цепкое. Он перебросил нож из левой руки в правую, потом снова ловко бросил его влево и поймал на лету.

Разведчики притихли. У Кудри, оказывается, была своя довоенная жизнь, в которой опасность ходила за ним по пятам. Лишь Тасманов остался спокоен и посматривал на солдата с явным интересом.

Тихон между тем отвел руку с ножом за спину и стал медленно приближаться к капитану.

Он долго кружил вокруг Тасманова и вдруг сделал выпад левой рукой, как бы приглашая противника поймать эту беззащитную руку.

Тасманов поймал ее мгновенно мертвой хваткой, резко развернул корпус, и тут Кудря прыгнул вперед, опережая

капитана, и нанес справа боковой скользящий удар ножом. Острое лезвие рассекло шинельное сукно, и, хотя Тасманов провел прием и Кудря рухнул лицом вниз, на поляне замерли.

Тихон поднялся, морщась от боли, ища глазами отлетевший в сторону нож.

– Да... – сказал Тасманов, разглядывая располозованную шинель, – навел крем-бруле командиру, теперь штопай до утра.

– Я сделаю, товарищ капитан... – виновато моргая глазами, оправдывался Кудря.

– А то думаешь, – весело вскинулся капитан, – сам положил, сам и штопай!

Капитан Тасманов. О таких людях говорят, что они родились солдатами. Бесстрашие и ум, воля и проницательность, лихое виртуозное владение оружием – вот что такое капитан Тасманов. Не было в дивизии более влитого в войну человека, чем Тасманов. Лаконизм и точность его докладов и радиোগрамм из тыла противника стали поэзией дивизионной разведки.

"Время на войне стоит жизни", – любил говаривать Тасманов и потому использовал всякую возможность подучить новичков из пополнения.

Фронт на участке дивизии встал. Еще два-три дня назад заморозки держали проселочные дороги, но вот внезапно пробежало по земле двухдневное душное тепло, после кото-

рого сорвались дожди, обнажился суглинок, – и все заскользило, заелозило, как на льду.

Немцы, пользуясь распутицей, оторвались от наших передовых частей, и теперь штаб наступавшей дивизии был в неведении: где противник, а главное – что он делает. Разведчикам привалило работы. Тасманова вызвали в штаб. Вернулся он скоро, молча пообедал, осмотрел заштопанную Кудрей шинель и спустился в захваченную у немцев землянку.

Там было тесно и дымно. Над картой, испещренной стрелами и кружками, склонилось сразу несколько голов, и среди них – белесая, с хохолком – лейтенанта Варюхина.

Тасманов прислонился к косяку и стал слушать, о чем говорят разведчики.

– Они теперь драпают – на танке не догонишь, – балагурил сержант Петухов, – сбили, мы их с укреплений, а дальше зацепиться не за что. Одно слово – Польша. Самая большая гора не выше Кудри...

– Прыткий ты, – капитан узнал голос Варюхина, – сбить-то мы их сбили, а оторвался от нас немец почти без потерь. И угадай-ка, что он теперь делает – контрудар готовит или окопчики на полный профиль роет.

"Толково рассуждает", – мысленно одобрил Тасманов сказанное лейтенантом.

– Чует мое сердце – за "языком" пойдём, – пробасил старшина Рыжиков. – Вертите, ребята, дырки на гимнастерках...

– Отставить... – сказал капитан и шагнул к столу. – Получен приказ, – голос Тасманова звучал глухо, – обнаружить дислокацию оторвавшегося противника, его передний край, в бой не вступать. Готовьте людей, лейтенант. Пойду сам...

В землянке замерли. Идти в разведку с Тасмановым – честь и удача для любого.

Капитан чуть помедлил, рассматривая карту, и спокойно, словно учеников к доске вызывал, негромко обронил:

– Петухов... Рыжиков... Струткис... Долгих... Кудря... По три запасных диска – гранаты по "рациону". Немецкий камуфляж... Все...

* * *

Капитан вел группу вдоль перепаханной танковыми гусеницами просеки, прикрываясь лесом от возможной засады.

Немецкий маскировочный костюм сидел на Тасманове, словно сшитый по заказу. Камуфлированная, обтянутая сеткой каска до неузнаваемости изменила его худощавое, тонкое лицо, и только глаза, холодные и внимательные; строго смотрели в ночную полутьму.

Пятеро остальных, одетые во все немецкое, шагали гуськом вслед за капитаном, похожие выправкой, короткими "шмайсерами" и тем настороженным, цепким шагом, который рождается от долгого внутреннего напряжения. Только Долгих чуть отличался от товарищей – за его спиной горби-

лась рация, упрятанная в брезентовый мешок.

Они шли уже четвертый час, останавливаясь и прислушиваясь, готовые к оклику и к выстрелу.

Ночной лес жил вспугнутой войной жизнью. Но это были знакомые звуки, и, пожалуй, только Тихон Кудря обращал внимание на шорохи и всхлипы ночного леса.

Он шел вторым. Так распорядился капитан. Тасманов теперь знал о Тихоне все, что нужно знать командиру разведроты о своем солдате. То, что Кудря вырос на Дальнем Востоке и хорошо ориентировался в тайге, вполне устраивало капитана. Глаза и руки у Кудри были созданы для разведки – на стрельбище Тихон положил все пули в десятку.

Тасманов поверил парню, когда тот рассказывал, как поднимал зимой с отцом из берлоги медведя. Но больше всего нравилось капитану, как Тихон передвигался по лесу. Так ходить могла бы лишь одна рысь – быстро, мягко, бесшумно.

Капитан вспомнил случайно подслушанный разговор у землянки, где разведчики коротали вечер перед выходом на задание.

– Вот кончится война. На кого пойдешь учиться, рядовой товарищ Кудря? – подражая капитану, спрашивал старшина Рыжиков.

– На учителя, – не задумываясь, ответил Тихон.

– А почему не на доктора?

– Потому что все в жизни от учителя, – убежденно сказал Кудря, – он человека делает... Мир ему открывает.

Тасманов тогда немного позавидовал Кудре. Учителем Тасманова была сама жизнь. Он рано остался сиротой, воспитывался в детдоме, работал на заводе до призыва в армию. Служил на границе. Там же твердо решил не расставаться с армией, закончил пограничное училище, успел получить два кубаря – и началась война.

В том, что пересеклись их пути, Тасманов видел определенную закономерность. Жесткий, суровый человек, Андрей Тасманов почувствовал, что соприкоснулся с нежной и подетски чуткой душой. Две черты привлекали к Тихону людей. Удивительная любовь к жизни и умение мечтать. Казалось, что этот таежный паренек испытывал бесхитростную радость бытия всем существом своим. Для него все вокруг было полно какой-то чарующей прелести, и каждая мелочь волновала и вызывала в душе его немедленный отклик.

"Ему еще предстоит стать разведчиком, – думал Тасманов, – предстоит ожесточиться, пережить первого убитого немца и похороны первого погибшего товарища. И мне всегда нужно быть рядом с ним".

Белую, с подпалинами кобылу поймал Рыжиков. Он шел замыкающим и разглядел-таки в глухой лесной сугеми затаившуюся в ельничке лошадь.

Тасманов вполголоса выругал старшину, осмотрел находку и скоро убедился, что она взнуздана, но незаседлана.

– Хутор, должно, рядом, товарищ капитан, – зашептал Рыжиков, – а кобылку хозяин от немцев в лесу прятал. Только

кто-то спугнул ее...

– Кто-то... – буркнул Тасманов. – Волки, что ли?

– Двухногие, товарищ капитан, – вставил сержант Петухов.

"Все правильно, – думал капитан, – и то, что лошадь прятали, и то, что ее кто-то спугнул. Нужно привести лошадь на хутор и посмотреть, давно ли прошли немцы. И кто они: уж не разведка ли?"

Тасманов кивнул Рыжикову, и тот растаял в темноте. Искать хутор незачем вшестером. Глазастый старшина обшарит сейчас округу и обнаружит дом. А вот уж к дому они подойдут всей группой – ведь спугнул же кто-то взнузданную кобылу.

Капитан не любил слепой поиск, когда противник перед тобой с затаившимися секретами и минными заграждениями, неизвестно как и где расположенными, когда от нелепой случайности может вспыхнуть скоротечный бой, и весь поиск пойдет насмарку.

И все же чутьем, выработанным за долгие месяцы войны, Тасманов догадывался – до немецкой передовой еще далеко. Скорее всего, они зацепятся за крутой берег небольшой речушки, которая на карте вытянулась прямой ниточкой с юга на север. Весенний разлив сделал ее быстрой и глубокой, как противотанковый ров.

Рыжиков обернулся скоро.

– Есть, – шепотом доложил он, – хуторок – три строения: дом под черепицей, сараюшка и банька. Огород на задах. Хо-

зьяин, или кто там, на месте...

– Видел, что ли?

– Окна чем-то занавешены, только свет совсем не спрячешь, – заметил старшина.

– От тебя спрячешь, – усмехнулся капитан. – Тихо?

– Тихо, товарищ капитан...

– Веди, старшина. Лошадь оставь здесь...

Не доходя метров триста до хутора, Тасманов лег на мокрую землю, и остальной путь группа двигалась по-пластунски, замирая по знаку капитана, чутко вслушиваясь в однообразное шарканье ветвей, тронутых по-весеннему теплым ночным ветром. Кончился лес, и открылась поляна, за которой угадывалось небольшое строение.

Лежали тихо, не шевелясь. Тихон по таежной привычке прижмурился – берег глаза.

Луна выскользнула в просвет между тучами неожиданно, и ветви на деревьях вычеканились, словно металлические.

Ее холодные лучи обозначили все до последней черепицы на крыше возникшего из темноты дома, и Тихон увидел человека, затаившегося за деревом шагах в десяти от крыльца. Фигура сливалась с деревом, но лунный свет просверкнул на металле, как вспышка, и выдал.

Кудря тронул капитана и, когда тот легонько вскинулся, поднял палец, показал им на дерево, за которым прятался человек.

Тасманов кивнул.

Лунный свет поблек, словно его накрыли покрывалом, а потом и вовсе исчез. Капитан похлопал Рыжикова по плечу и пополз обратно в чашу, где, привязанная к дереву уздечкой, томилась белая, с подпалинами кобыла.

– Разведка, – одними губами сказал капитан, когда группа, достигнув стены деревьев, поднялась в рост.

– Возьмем "языка", товарищ капитан, – предложил Петухов. – Их там от силы пятеро...

Тасманов усмехнулся:

– Какой из разведчика "язык"?! Вот из тебя, например, попади ты к немцам в плен.

Петухов потупился:

– Из меня, конечно...

– А у них в разведку слабаков набирают?..

– Что же делать? Отпустить фрицев? – не сдавался сержант.

Тасманов задумался. На лице его высветлились тонкие морщинки.

– Зачем отпустить, – сказал он через минуту, – проследить за ними. Если идут к нам, сообщим по радиации домой – там встретят. Если возвращаются из поиска, то они-то нас и приведут к своему переднему краю. Так, сержант товарищ Петухов?

Все облегченно вздохнули. Что ни говори, а капитан Тасманов понимал толк в разведке.

Немцы возвращались из поиска. И было их пятеро. Четверо вышли из домика, посвечивая себе фонариком – глаза со свету не могли привыкнуть к темноте, – и Тасманов разглядел их во всех подробностях. На немцах были такие же масккомбинезоны, как и на советских разведчиках, их автоматы с откидными металлическими прикладами словно бы повторяли "шмайсеры" группы Тасманова. Встретясь они ночью в лесу лицом к лицу – сразу бы и не разобрались, кто есть кто.

Фонарик погас, как только часовой, притаившийся за деревом, присоединился к группе. По сверкнувшему на мгновение серебряному позументу на петлице Тасманов выделил офицера.

Немцы пошли на запад, из чего Тасманов и заключил, что они возвращаются.

"Вот и поводырь нашелся, – думал капитан. – Не знаешь, с какой стороны удача привалит".

Тасманов и за десять орденов не согласился бы сейчас брать "языка". Один шанс из тысячи, что кто-нибудь из немцев скажет правду. Скорее всего, наплетут небылиц, и проверять эту ложь пошлют его же, Тасманова. В возникшей ситуации Тасманова радовало другое – теперь не нужно было вести поиск по нескольким возможным направлениям, для чего пришлось бы разбивать группу. Немцы должны вывести

его людей к сердцу обороны, к штабу. Тогда можно подумать об "языке".

Тасманов вспомнил разговор с начальником штаба дивизии полковником Дробным.

"Ты уж, милый, уточни передок противника, наметь пути подхода, выясни по возможности, где у них артиллерия и сколько ее. Слепые мы сейчас, а слепым наступать, сам знаешь, сколько славянской крови прольется".

Эту манеру говорить с разведчиками ласково Дробный усвоил с начала войны, когда сам командовал разведротой. Он опекал Тасманова и его людей, ничего для них не жалел, потому что досконально знал их военную "профессию", понимал усталость и боль разведчиков, видел в их постоянном риске высшее предназначение солдата.

Сесть на "хвост" немецкой разведке капитан поручил Рыжикову, Кудре и Струткису. Двое первых ходили бесшумно, старшина к тому же хорошо видел в темноте, Струткис знал немецкий.

Тихон обрадовался приказу, как давеча днем, когда капитан назвал его фамилию. С того самого момента, как он увидел и услышал Тасманова, Кудря проникся к нему доверием и уважением. Чем-то напоминал капитан Кудре отца, угрюмого, неразговорчивого человека, прошедшего в тайге всю жизнь.

Тихон и в разведку попросился потому, что еще в учебном батальоне был наслышан о подвигах Тасманова. И теперь,

ощущая тугую кобуру трофейного парабеллума на бедре и тяжесть автомата на груди, Кудря был преисполнен той значительности и гордости, которая свойственна юности, когда вам восемнадцать лет и всякое опасное дело кажется легким и привлекательным.

– Разуемся, – сказал Рыжиков, присел и, ловко сняв немецкие бутсы, передал их Петухову.

Это была предосторожность, подсказанная трехлетним опытом "прогулок" по немецким тылам. Сколько придется пройти вот так по ледяной намокшей земле, никто из троих не знал, но они хотели исключить малейший риск и не считали противника наивным, необученным простаком.

– Если немцы остановятся, крикнешь два раза филином, – сказал Тасманов старшине на прощание. – Мы с Петуховым в ста метрах за вами.

Трое бесшумно растворились в темноте. Капитан подождал несколько минут, вскинул тючок с рацией за спину, велел сержанту сложить бутсы в мешок, и они неторопливо зашагали по незнакомому лесу, словно бывали здесь не раз и вот вернулись, чтобы осмотреть хозяйство, разоренное войной.

Пришла пора расслабиться, ибо потом, спустя час, а может быть, полтора, придет то самое, когда секунды бешено застучат в виски, сознание обострится и все будут решать мгновения.

Тасманов думал о том, как проскользнуть передний край

немецкой дивизии.

В лесу чуть высветлилось. Темнота уже начинала свою извечную борьбу со светом. Она еще отгородится от наступающего утра туманом, будет прятаться в низинах и оврагах, но часы ее сочтены – день настанет, пасмурный, промозглый. До его наступления нужно успеть пройти сквозь немецкие посты и секреты.

Ухнул филин. Раз, другой. Тасманов остановился, положил руку на автомат. Петухов встал за дерево. Ждать пришлось недолго. Струткис возник из полутьмы внезапно сбоку.

– Товарищ капитан, немцы провели радиосеанс. Доложили, что возвращаются с "уловом". Запрашивали новый пароль и место прохода...

– И что же?

– Обер-лейтенант повторил пароль... то есть, я так думаю. Он сказал: "Вас понял – "штурмфогель". Место перехода – излучина реки..."

– Он что же, громко говорил, этот обер-лейтенант?

Тасманов спросил почти механически, думая о том, как воспользоваться почти невероятным случаем, когда знаешь вражеский пароль. Еще он думал об "улове" немецких разведчиков. "Улов" означал добытые сведения, данные о его, Тасманова, дивизии.

– Я слышал, потому что сидел рядом... – сказал Струткис.

– Вот как?.. – вскинулся капитан.

– Они сбились в круг, товарищ капитан, сели, – видимо, устали все-таки. Я и подсел с разрешения старшины. Очень хотелось услышать, а говорил он тихо... Я воспользовался темнотой.

– Лихой ты парень, Айвар, – качнул головой капитан. – Может, ты и перекусил с ними заодно? Ведь коли уж они сели, значит, и сало достали...

– Так точно, товарищ капитан, достали, – ответил смущенный тоном Тасманова разведчик. – Только я... сделал вид, что мне по нужде... и отошел.

– Значит, все сидели, а ты встал?

– Встал, товарищ капитан...

– Торопятся фрицы и устали, конечно. А то схлопотал бы ты, Айвар, крупговскую железку в поддых...

Да, что ни говори, поиск складывался на редкость удачно. Этого-то и боялся капитан Тасманов, это-то его и смущало. Он вообще подозрительно относился к счастливым стечениям обстоятельств.

Логика, мысль, тщательное изучение возможностей своих и противника – так или почти всегда так свершалась его работа в дивизии.

Обладая аналитическим складом мышления, Тасманов любил предугадывать ход противника, искал нестандартного, внезапного для врага решения.

Сейчас же им просто везло. Вот и пароль, и место перехода, и потеря немцами бдительности, хотя последнее можно

и оправдать – свои рядом, а нейтральная полоса велика, и шанс встретить противника ничтожно мал.

Пройти вместо немецкой разведки в тыл возводящихся редутов вражеской дивизии – большой соблазн. Риск? Конечно, риск. При самом переходе немцев могут ведь встречать знакомые. Тогда рукопашная по-тихому. И снова возможность прорваться в тыл. А тыл – это как лицо без маскировки, – все обнажено. Да и нет у них там сплошной линии траншей. Успели, наверное, кое-где приткнуть взводные опорные пункты. И патрули, конечно.

Свою разведку, прошедшую передний край, немцы хватятся не раньше чем через час. И еще час на ее поиск. Итого... Как быть с немецкими разведчиками, Тасманов решил, как только услышал от Струткиса, что те возвращаются с "уловом".

...Немцы еще отдыхали, когда шестеро похожих на призраки людей бесшумно выдвинулись из темноты. Только офицер успел вскинуть автомат, Тасманов в прыжке ударил ногой – и через минуту все было кончено.

На войне убивают, и Тасманов к этому привык. Но всякий раз, сталкиваясь с врагом лицом к лицу и виртуозно применяя холодное оружие, капитан с удивлением обнаруживал, как щемящее чувство, похожее на жалость, заползает в сердце и начинает леденить его. Случалось, быть может, это еще и потому, что, убивая, Тасманов видел чужие глаза, полные то страха, то испуга, то предсмертной тоски.

Сейчас же он держал Тихона за плечи, а тот содрогался от тошноты и, стыдясь, что не может сдержать ее, тихонько всхлипывал.

– На вот глотни, – говорил капитан, втискивая в руку Тихона флажку с водкой, – а раскисать у нас нет времени...

Разведчики забросали убитых лапником и ждали, пока командир, посвечивая фонариком, изучал немецкую карту.

Тасманов увидел место перехода – оно было отмечено легкой полоской, сделанной карандашом, но никаких других пометок не обнаружил.

Через час они вышли к речной излучине, и Тасманов долго смотрел на противоположный крутой берег, пытаясь увидеть или угадать какой-нибудь условный сигнал или знак ждущего свою разведку противника. Но все было тихо. Ни огонька, ни вспышки.

Совсем рядом плескалась тяжелая ледяная вода, и по тому, как на ней стали появляться легкие просверки, Тасманов понял, что ночь сдала еще одну позицию идущему с востока рассвету.

Капитан приказал раздеть до гимнастерки Петухова и связать его. С кляпом во рту, с заломленными за спину, скрученными руками сержант являл собой зрелище грустное и непривычное.

Роль "языка" Тасманов придумал раньше, когда выслушал доклад Струткиса и мозг обожгла дерзкая мысль подменить немцев. Но вражеских разведчиков было пятеро. Шестым

стал "язык".

Ночь, весенняя, нерешительная, уползала на запад, отмахиваясь от солнца белесыми космами тумана, который вскоре закрыл противоположный берег плотной серой завесой.

– Пошли, – шепотом скомандовал капитан и первым ступил в ледяную воду. Он догадывался, почему немцы сменили место прохода: вчерашний ливневый дождь поднял воду в реке, и они стали искать брод. Нашли здесь, в излучине.

Петухова нес Рыжиков. Еще на берегу, взваливая на себя товарища, старшина недовольно пробормотал:

– Лучше бы уж пару Гансов тащить, чем тебя, сосна строевая.

Петухов задергался, и Рыжиков понял, что сержант смеется.

Брод немцы нашли широкий, река здесь разливалась и была неглубокой – вода доходила разведчикам до груди. Автоматы пришлось подтянуть к шее.

Они выбрались на берег, шумно дыша, стряхивая воду с комбинезонов, всем своим видом показывая, что вернулись к своим, так сказать, снова прибились к земле обетованной. Им некуда было спешить – они ждали оклика, тяжелых шагов солдат боевого охранения, но все было тихо.

"Что за чертовщина! – думал Тасманов. – Неужели не встречают? Должны же они охранять брод".

Он сделал знак рукой, означающий движение вперед. Группа поднялась по вязкому, как загустевший клей, обрыву

и вошла в заросли кустарника, и тогда откуда-то сбоку раздался громкий шепот:

– Хальт! Пароле?

– Штурмфогель, – таким же громким шепотом ответил Тасманов, подтягивая руку с зажатой в ладони финкой ближе к груди.

Из зарослей ивняка вышли трое в касках и длинных прорезиненных плащах. В руках высокого худосочного немца вспыхнул фонарик. Тонкий луч ощупал каждого из группы Тасманова и остановился на Рыжикове, согнувшемся под тяжестью "языка".

– О-о!.. – протянул худосочный и подошел к старшине. Он долго разглядывал Петухова, потом выдернул у него изо рта кляп. – Кто есть ты? – спросил по-русски худосочный, по-видимому офицер.

Петухов с присвистом втягивал в себя воздух, мрачно и злобно смотрел в глаза немца и вдруг процедил сквозь зубы:

– А пошел ты к... гад...

Худосочный дернулся и резко и быстро ударил сержанта по скуле.

– Русишер швайн... – пробормотал он, вытирая руку о полу плаща.

"Пока все в порядке, – думал Тасманов, – обойдемся без рукопашной – это другие немцы. Они никого из ушедшей на задание группы не знают в лицо. Синяк Петухова не в счет – сам напросился".

Офицер между тем еще раз скользнул лучом по разведчикам и удовлетворенно вымолвил:

– Gut. Bis zum Gefechtsstand sind es 500 Meter. Richtung links von der ersten Grabenlinie¹.

– Danke...² – как можно радушной сказал Тасманов, тяжело повел плечами, как бы стяхивая усталость, полупшепотом скомандовал: – Vorwärts...³

Пройдя заросли ивняка, капитан резко свернул вправо к смутно чернеющему лесу. Если верить карте, там должен быть холм.

* * *

Небо высветлилось, но как бы продолжало землю. Густые облака, ровные как полотно, неподвижно висели над лесом. Предраассветный синий туманец стлался там, где кончался горизонт, постепенно сливаясь с облаками.

Сквозь словно заледеневшую, хрупкую паутину кустарника неясно проступали открытая пойма, заливные луга за рекой. И по всему берегу строгие ряды траншей.

В воздухе стоял бесконечный писк ласточек. Их гнездами, как дробью, был пробуравлен восточный крутой склон

¹ До командного пункта пятьсот метров. Направление левой первой линии окопов (нем.).

² Спасибо (нем.).

³ Вперед (нем.).

холма.

Тасманов лежал рядом с Кудрей и рассматривал в бинокль обрывистый левый берег реки.

– Похоже, фрицы решили тут задержаться надолго, – пробормотал капитан, делая пометки на карте, – и окопчики на полный профиль, и блиндажики...

Тасманов надолго прильнул к биноклю.

– А вот и следы тягачей. Пушечки, Тихон... пушечки, скорее всего, в ельник упрятали. И заметь, тяжелые пушечки...

– Как же вы... все это видите? – восхищенно выдохнул Кудря.

Капитан насмешливо взглянул на Тихона.

– Разведчику нужно видеть все сразу, – мягко сказал он, – второго раза ведь иногда просто не бывает. Сейчас другое дело. Мы у них за спиной, а они не оглядываются, им, видишь ли, некогда.

Тасманов говорил все это Кудре, чтобы успокоить парня, а заодно настроить себя не торопиться, проверить еще раз то, что так назойливо лезет в окуляры бинокля.

Немцы могли ведь сооружать и фиктивный вал обороны, готовясь к контрудару. Капитана беспокоило отсутствие интенсивного движения на проселочной дороге, ведущей от берегового среза в глубину леса.

Тасманов ждал Рыжикова, которого послал к дороге вместе с Струткисом.

Что касается времени, то оно, по подсчетам капитана, бы-

ло на исходе. В немецком штабе должны хватиться своих разведчиков.

Тасманов скосил глаза вправо, где у самого среза на вершине устроились Петухов и Долгих. Разведчиков не было видно, едва приметно шевелились кусты. Капитан приказал Петухову вести наблюдение за поймой реки и бродом, откуда могли появиться поисковые группы противника.

Тасманов представил себе ничейное пространство, по которому придется уходить от немцев, возможный бой, вспомнил белую лошадь, привязанную в чаще, оружие, боеприпасы и рацию убитых немецких разведчиков, спрятанные в дупле старого дуба, просеку, по которой удобно скакать верхом, и удовлетворенно подумал, что все сделал правильно, тихо порадовался своей дотошной предусмотрительности, которая оставляет шанс на возвращение без потерь.

Времени – вот чего не хватало капитану Тасманову. День хоть и пасмурный, вставал, но низкие промозглые облака как бы сливались с верхушками сосен и создавали впечатление, что это и не день наплывает вовсе, а подкрадываются сумерки. В бинокль была видна сырая, вскопанная лопатами земля, ломти аккуратно срезанного дерна, маскирующего пулеметные гнезда и блиндажи, торчащие из земли обтесанные комли бревен.

Гул возник внезапно. Ровный, пока еще глухой, он наполнил холм с запада, и, прежде чем Кудря успел высунуться из укрытия, пораженный этим новым грозным звуком,

Тасманов холодно произнес:

– Лежать... Танки...

"Вот оно подтверждение намерения противника контратаковать, – думал капитан. – Немцы понимают, что мы измотаны, тылы остановлены распутицей и все-таки рассчитывают на наш атакующий азарт. Они выиграли время и успели подтянуть технику".

Рыжиков и Струткис появились с западной стороны холма. Тасманов даже вздрогнул, услышав шелест за спиной.

– Танки и самоходки, товарищ капитан, – доложил старшина, – в ельнике две батареи тяжелых и одна противотанковая... Танкисты – эсэсовцы... Сам видел. Однако опять "Викинг"...

Тасманов внимательно и насмешливо взглянул на Рыжикова:

– Что бы я без тебя делал, старшина ты мой товарищ Рыжиков – ас разведки, ночной орел... "Викинг", говоришь? Это хорошо. Это кое-что проясняет... А?

– Проясняет, товарищ капитан, – улыбаясь всем лицом, подтвердил Рыжиков, – будут атаковать, когда наши попробуют сбить их с позиций...

– Комплимента ждешь, стратег, – усмехнулся капитан. – Compliments at home, а сейчас...

– Товарищ капитан... – вскрикнул Кудря, которому Тасманов минутой раньше передал бинокль, приказывая наблюдать за противником.

Капитан рванул из рук Тихона бинокль.

– Так... охота на лис с собачками, – пробормотал он, разглядывая в окуляры берег реки. – Все правильно – спешат закрыть брод... Пора Парашеньке замуж выходить...

То, что появление поисковых групп для Кудри было полной неожиданностью, не оправдывало его вскрик.

Эмоции у разведчиков не в почете. Они мешают сосредоточиться. А думать сейчас нужно быстро и точно.

Тасманов опустил бинокль.

"Через десять минут собаки возьмут след, еще через двадцать они будут на холме. Тридцать минут – это шесть километров при хорошем шаге. Идти на запад, сделать петлю и выйти к реке южнее брода. Умеет ли плавать Тихон?"

Капитан свернул карту, засунул в планшет.

– Уходим... Рыжиков, Струткис, вперед... Смотреть в оба. Направление – восток...

* * *

Высоко над головой шумели сосны. Деревья в бору рослые, голые, с хвоей на макушке. Если вскинуть голову, может показаться, что небо над головой сплошь усеяно маленькими зелеными облачками.

Голову вскидывать некогда – все внимание сосредоточено на движении. Рыжиков, идущий впереди легким быстрым шагом, иногда взбрасывает руку с компасом, проверяя на-

правление.

Так они шли час. По соображениям Тасманова, маршбросок должен был вымотать преследователей и увеличить разрыв во времени. Он остановил группу на отдых возле едва приметного родничка.

Выслав в сторону преследователей охранение, Тасманов обернулся к радисту:

– Давай, Коля, самое время...

Долгих развернул рацию, повертел ручку настройки. Капитан взял наушники и окунулся в поток звуков. Мир ожил и заговорил. Из неведомых далей полетели свисты, гул, треск, вкрадчивое поскребывание, лихорадочная дробь ключа, обрывки фраз. Потом остался один голос. Кто-то монотонно по-немецки передавал шифровку: сто сорок пять – тридцать, четыреста восемь – шестнадцать...

Немец делал паузы и снова сыпал цифирью.

Капитан повертел ручку настройки. Вражеский передатчик работал на волне, указанной в нашем штабе Долгих, и услышать своих пока не было возможности.

– Вызывай...

Тасманов отдал наушники радисту.

– "Вереск" ... "Вереск", я – "Вега" ... я – "Вега", – забубнил Долгих.

Через пять минут, так и не связавшись со штабом дивизии, Тасманов поднял группу. Теперь они шли на юг, пересекая гряды холмов, забираясь в низинные чащобы, прислу-

шиваясь к звукам леса, где даже отдаленное собачье взлаивание сказало бы о близком преследовании. Но "слухач" Рыжиков только покачивал головой, отвечая таким образом на немые вопросы Тасманова.

Портилась погода. Далеко за лесом задержалась молния и глухо, ворчливо пророкотал гром, а спустя полчаса с низкого темного неба посыпал дождь. Густой, мерзкий, он ожесточенно сек тонкими ледяными прутьями лес и дальние холмы.

Дождю радовались все. Такой дождь менял многое, он затруднял немцам поиск.

В сырой мгле где-то совсем рядом встало над лесом яркое пламя. Забились на вершинах-шапках красноватые отсветы. Тасманов остановил группу. Кивком головы послал Рыжикова вперед.

Старшина вернулся мрачный, глухо доложил:

– Пятеро эсэсовцев лагерь жгут... Мины ставят... В бараках вроде кричит кто-то...

– Дорога? Машина? – спросил Тасманов.

– Проселок рядом, товарищ капитан. Два мотоцикла у них с коляской... На одной пулемет... Можно взять...

– Нужно, старшина...

Мотоцикл водил он сам. И еще Петухов. Проселок наверняка подходил к реке. И может быть, цел мост. Такой шанс мог только присниться.

Мелькнула мысль о запертых в бараках заключенных, но

как-то вскользь, второстепенно.

Они вышли на опушку и ползком – в рост мешало идти редколесье – добрались до кромки непаханого, заброшенного поля.

Прямо перед глазами, метрах в двухстах, за двойным рядом колючей проволоки, стояли ссутулившись, наклонившиеся в разные стороны бараки. Внимательному взгляду Тасманова открылось, почему они не падали. Бараки протянули во все стороны дощатые руки-подставки и накрепко держали друг друга.

Скорее всего, лагерь этот был временный, служил пере-сылочным пунктом. Сейчас он горел.

Эсэсовцы стояли у ворот, подняв воротники прорезиненных плащей и наблюдая за пожаром. В стороне у дороги, возле одинокой сосны, притулились два мотоцикла.

– Разрешите, товарищ капитан, я их одной очередью, – прошептал Петухов.

– Чуть позже, – откликнулся Тасманов, – а сейчас слушаем.

Капитану хотелось проследить путь эсэсовцев от ворот до сосны, где стояли мотоциклы, – оставили же они себе тропу через минное поле.

И вдруг сквозь треск горящего дерева Тасманов услышал слабые нестройные крики.

– Пацаны там, товарищ капитан, – захлебнулся полукриком Кудря, – послушайте-ко... Сгорят...

– Да. Ребятишки, – сказал старшина. – И ничего не сделаешь, все подходы заминированы...

– Кроме одного, старшина... – Капитан сказал это сквозь зубы. Рыжиков покосился на Тасманова. – Смотри, – сказал капитан.

Эсэсовцы гуськом пошли от ворот, след в след. Последний остановился, когда была пройдена половина пути. Тускло блеснул корпус противопехотной мины – немец достал ее из-за пазухи, положил в заранее подготовленную лунку и прикрыл куском дерна. Отряхнул руки. И осторожно зашагал к сосне, низко опустив голову, видимо, высматривая едва приметные знаки, обозначавшие безопасную тропу.

Четверо уже подходили к мотоциклам.

– Петухов... Струткис, – шепнул капитан и кивнул Рыжикову. Это означало, что старшине достался немец, идущий последним.

Три длинные очереди почти одновременно распороли тяжелый влажный воздух. И настала тишина. Эсэсовцы лежали в неудобных позах там, где их застигла смерть.

Тасманов встал и тут встретился глазами с Кудрей. И вздрогнул. Они кричали, эти глаза, – столько мольбы и отчаяния было в них. Капитан сказал, как выстрелил:

– Иди... Ворота лимонкой...

И Тихон медленно двинулся вперед, обходя убитых эсэсовцев, так же внимательно глядя себе под ноги, как это делал последний немец сапер.

Падал тяжелый, как ртуть, дождь. Облитые, соляжкой, тускло горели бараки – теперь в них никто не кричал. И среди множества упрятанных в землю смертей шел лопоухий, похожий издали на мальчишку человек – Тихон Кудря, не привыкший еще к жестокостям войны, не состоявшийся пока солдат. Каждый свой шаг он отмечал автоматным патроном, бросая его в собственный след. Вдавливая патроны в землю бутсами, шагали за Кудрей разведчики.

Текло время. И каждый ощущал его спрессованную плотность. Капитан думал о том, что нарушает все свои заповеди и законы, по которым воевал до сих пор. В другое бы время, да не будь Тихона, он, Тасманов, уже мчался бы на трофейном мотоцикле по старому грейдеру, как птица, вырвавшаяся из клетки. Теперь же все осложнялось.

Грохнул взрыв. Тихон перешагнул сорванные ворота, вошел на территорию лагеря и, забыв об опасности, бегом бросился к первому барaku. Петухов и Струткис еще шли по отметинам Кудри, а он уже сбивал прикладом замок.

Их было двенадцать, изможденных, грязных, в немислимых лохмотьях, с глубоко запавшими, недетскими глазами.

Струткис объяснил им, кто их освободители. Сказали про немецкий камуфляж. И все же в глазах детей застыло недоверие. Немецкая форма гипнотизировала их.

Они были поляки, но говорили по-немецки. Одного года заключения в специальном детском лагере хватило, чтобы дети забыли родной язык.

Мотоциклы Тасманов расстрелял сам, предварительно сняв с одного из них тяжелый немецкий пулемет и три диска с патронами. Машины горели с треском – пламя гудело, как в печи.

Расторопный Рыжиков собрал запасные рожки к "шмайсерам", вытащил из трофейного вещмешка пакет с сахаром и дал каждому поляку по два кусочка рафинада.

Дети держали сахар в руках и чего-то ждали. Тогда старшина положил в рот кусочек рафинада и с аппетитом захрустал им.

Нечто похожее на улыбку отразилось на лицах ребят, и они стали с жадностью есть сахар.

Тихон стоял в стороне и беззвучно плакал.

Тасманов смотрел на маленьких поляков и пытался разобраться в себе, в своих мыслях и чувствах, потерявших на какое-то время ясность и заматававшихся, как вспугнутые выстрелом птицы.

Новое, никогда не испытанное чувство родилось в нем при первом же взгляде на бездомных, наверняка безымянных детишек. Больно обожгло сердце. За годы войны капитан насмотрелся смертей и страданий, привык к ним, как привыкают к жестокой необходимости, когда ничего нельзя изменить или переделать. И вот дети. Маленькие заключенные. Маски вместо лиц. Выпирающие из лохмотьев ключицы. Старческая бескровная кожа на тонких руках.

"Никто из них не должен умереть" – эта простая, четкая

мысль вернула Тасманова в привычное состояние. Он взглянул на радиста. Долгих, прикрывшись плащом, возился с радией. Он словно почувствовал взгляд командира, вскинулся и несколько растерянно произнес:

– Товарищ капитан, "Вереск" на приеме!

Капитан взял микрофон, надел наушники.

– "Вереск", я – "Вега" ... Как слышите меня? Прием...

– Я – "Вереск", – сразу же отозвался глухой знакомый голос Дробного. – Докладывай...

Тасманов достал карту и четко доложил обстановку. В наушниках послышался треск, далекая немецкая речь.

И снова раздался глуховатый сердитый голос начальника штаба:

– Ты не ошибся насчет "Викинга"?

– Нет, – ответил Тасманов. – Танковая бригада "Викинг".

Пауза длилась долго. "Докладывает комдиву", – догадался Тасманов.

– "Вега", ты слушаешь? – спросил "Вереск".

– Я – "Вега". Слушаю. Прием.

– Возвращайся. И хорошо бы тихо...

"Тихо не получится", – подумал Тасманов и сказал в микрофон:

– Преследуюсь тремя поисковыми группами. У немцев собаки. Боя не избежать. Прошу выслать конный разведвзвод в квадрат двести шесть. Сигнал для опознания – две красные ракеты, ответ – две зеленые...

– Понял, капитан. Взвод высылаю... Уходи... Связь по возможности. Действуй...

* * *

"Уходи" – это крепко сказано, – думал Тасманов. – Далеко ли уйдешь с доведенными до крайнего истощения детишками".

И все же он повел разросшуюся группу к реке. Немцы не показывались. Может быть, сбились со следа – дождь сыпал и сыпал, – а может быть, разделили группу и решили взять разведчиков в кольцо. Так думал Тасманов.

Он не мог знать, что немцы нарвутся на засаду польских партизан, действующих в округе, что в коротком бою, потеряв половину своих людей, обер-лейтенант – командир двух ягд-команд – отступит к броду под защиту регулярных частей.

Тасманов и не подозревал, как близко ходила смерть, – ведь наткнись его группа на засаду поляков, и немецкий камуфляж подвел бы разведчиков под пули. О польском отряде не знали в штабе дивизии – такое случалось в войну, – наступление наших войск активизировало борьбу польских патриотов, партизанские группы возникали и росли как грибы.

Капитан умолчал о детях в разговоре с Дробным намеренно. Он побоялся приказа оставить ребят на попечение како-

го-нибудь хуторянина, что было равносильно гибели.

Они несли ребят по очереди – тех, которые уже не могли идти. Рыжиков посадил на плечи двоих мальчишек и велел крепко держаться за каску.

Тихон нес на руках истощенного до невозможности самого маленького. Кудря часто останавливался – ему все казалось, что мальчонка перестал дышать.

Группа продвигалась к реке вдоль грейдера. В лесу не так донимал дождь, в случае же тревоги можно было занять круговую оборону, маскируясь за деревьями.

Не доходя до реки с полкилометра, Тасманов остановил группу и выслал вперед старшину и Струткаса. Эту пару капитан сделал неразлучной. Немецкий Струткаса был безукоризнен, хладнокровия хватило бы на пятерых. Айвар худощав, но силы ему не занимать.

Рыжиков сообразителен, чуток, опытен. Всю войну по тылам.

В заросшей орешником низине было сыро, промозгло, неудобно. Дети сбились в плотную кучку, согревая друг друга полуголыми исхудалыми телами. Они негромко переговаривались, словно читали молитву.

"Их нужно накормить, иначе они не дойдут, – подумал капитан. – Хотя бы по стакану молока с хлебом. Тушенка не годится – умрут сразу. У Петухова в НЗ сухари..."

Но прежде чем пришло решение, Тасманов уже напряженно прислушивался.

Сверху, от дороги, доносились странные, незнакомые звуки. "Квач-квач, квач-квач..." Будто квакала огромная лягушка.

Звуки становились сильнее, обрастали другими, треснула валежина, зашуршала прошлогодняя хвоя.

И, осознав, что он слышит чваканье кованых сапог, Тасманов по-немецки, чтобы было понятно детям, громко шепнул: "Руих!"

Петухов и Кудря замерли с изготовленными автоматами там, где их застал приказ командира. Долгих лег на рацию, поводя стволом трофейного пулемета в сторону звуков.

Тасманов достал две гранаты с длинными деревянными ручками. Гранаты были немецкие, очень удобные в таком вот назревающем бою.

Как не хотел и боялся сейчас Тасманов этого боя! В штабе ждут карту. По рации всего не скажешь. Карта – это его, Тасманова, глаза. И то, что увидели они, теперь хотели увидеть и Дробный и комдив.

И какой может быть маневр в скоротечной схватке, когда ты скован, спеленут по рукам и ногам спасенными детишками.

Тасманов слушал теперь уже близкие шаги, стараясь уловить повизгивание овчарок, слова команд. Но раздался приглушенный кашель и хриплый голос кому-то сказал:

- Еще полчаса, Юрген, и ты выпьешь горячего кофе...
- Шнапсу, Курт... – отозвался вялый тонкий голос.

И капитан понял, что это не погоня. Патруль. Три солдата с фельдфебелем. Рядом передовая, а может быть, и стык зарывающихся в землю полков.

Тасманов со стремительностью рыси присел, сунул гранаты под куст и выхватил нож. Кудря и Долгих уловили и поняли движение командира, отложили автоматы и достали короткие финки. Сержант же стоял у самого края впадины, напряженно вытянув шею, держа палец на спусковом крючке "шмайсера".

Тихон негромко застучал дятлом – даже Тасманов обернулся. Петухов скосил глаза на стук и увидел Кудрю, подбирающего на ладони финку.

Петухов воевал с первой минуты войны. Сержант, как и Тасманов, служил на границе. Был ранен, контужен при обороне заставы и все же ночью, оставшись в живых один, уполз в ржаное поле, отлежался и ушел в лес. Прорывался с регулярной частью из окружения.

Тасманов взял его в разведку из пехотной роты, прослышав в штабе о сержанте-чудаке, который возит с собой пограничную фуражку и надевает ее в последнюю минуту перед атакой.

С Петуховым было легко. Тасманов не заботился и не думал о его действиях, был уверен – сержант все сделает как нужно.

Петухов бесшумно лег и как растворился в земле.

Капитан мельком взглянул на ребятишек. Дети стояли ти-

хо, словно и они знали, что сейчас на каждый звук откликнется только смерть.

"Чвак-чвак". Совсем рядом. Остановились на краю впадины четыре силуэта, словно шинели вывесили сушиться.

Что увидишь за сеткой дождя?

"Чвак-чвак". Пронесло. Шинели будто смахнуло ветром.

"Юрген из Любека выпьет свой шнапс, – усмехнулся Тасманов. – Нам же сейчас даже случайный выстрел ни к чему".

...Капитан угадал – они вышли на стык. Вернувшийся старшина нарисовал план обороны немцев. На левом обрывистом берегу два дзота – расстояние между ними двести метров. И в пространстве этих двухсот метров – никого. Если накрыть дзоты с тыла гранатами, можно на плотях успеть достичь "сопредельной стороны", как выразился Петухов.

"Никого – это значит патрули, – размышлял Тасманов. – Один мы только что видели. Да, без боя не уйдешь. Плоты для ребятишек. Петухова и Кудрю вплавь с плотами. Сами же подавляем дзоты и держим зону, пока ребята не переправятся".

Противотанковых гранат было две. У старшины и Петухова. У остальных шестисотграммовые "феньки" – легкие РГ-42. У каждого по две штуки. И еще две немецкие, с деревянными ручками. Получалось четыре связки, если даже оставить по одной каждому на всякий пожарный случай.

Пулемет, захваченный у эсэсовцев, и рацию капитан ре-

шил перебросить на тот берег. Петухову придется прикрывать отход четверки, когда с дзотами будет кончено.

Плотики вязали из молодых осинок, срубленных тесаками. Бечевки и толстой тесьмы, оказавшихся у запасливого Долгих, хватило, чтобы скрепить похожие на жерди тонкие деревца.

Перед последним броском к реке Струткис объяснил ребятам, как нужно грузиться на плоты, лежать, не поднимая головы, и вообще замереть, словно и не живые они вовсе.

Капитан уговорился с Петуховым: сигнал для начала переправы – первый взрыв. Кудря, если все пройдет удачно, уводит детей в глубь леса, сержант с пулеметом занимает позицию по его усмотрению и прикрывает отход остальной группы.

Они сверили часы и разошлись. Струткис и Долгих – влево, Тасманов и старшина – вправо.

Четверть одиннадцатого – время одновременной атаки на дзоты. Пять часов группа находится в тылу противника.

...У дзота стоял часовой. Входная дверь была закрыта. Амбразура, которую видел капитан, узкая – крест с короткой горизонтальной щелью. Значит, левее есть еще одна.

Тасманов оценил позицию немцев с первого взгляда. Фронтальный сектор обстрела у защитников дзота был просто великолепен – весь правый пологий берег реки и подходы к нему.

"Успели создать систему огневых точек, – подумал капи-

тан, – через каждые двести метров такое вот сооружение. Жиденько, но надежно... Нужно пометить на карте".

Тасманов кивнул старшине и прополз еще немного вперед.

План атаки был прост. Старшина снимает из вальтера часового и одновременно связкой гранат подрывает плотно задраенные двери. Тасманов делает рывок и бросает вторую связку в теперь уже открытый зев дзота.

Выстрел из пистолета во влажном плотном воздухе хлопнул как-то неправдоподобно тихо. Старшина точно метнул свою связку под бревенчатый козырек, прикрывающий вход.

Второй взрыв как бы вывернул дзот изнутри. Он стал вдвое ниже, осел, потом в нем что-то еще раз грохнуло – рухнули перекрытия, из зияющих проломов повалил черный едкий дым.

Тасманова обдало глинистой жижей – после броска он лежал ничком в углублении между задним естественным бруствером и траншеей, ведущей к двери; когда рвануло третий раз, от детонации обвалилась стенка, и капитан едва успел выскочить из своего укрытия.

Пасмурное, низкое небо расцветилось красными ракетами, глухо застучали пулеметы по всему переднему краю. Их светящиеся трассы протянулись на противоположный берег, и Тасманов догадался: немцы не разобрались в ситуации и бьют наугад, пытаясь выявить и накрыть огнем несуществующего противника.

Сползая по глинистому обрыву к реке, Тасманов услышал два взрыва, прозвучавшие почти одновременно.

Прошло не более пяти минут с того момента, как старшина взял на мушку часового. Капитан взглянул на реку, туда, где должны были двигаться плоты с детьми, но ничего не увидел за плотной завесой дождя.

Он вошел в воду, как вдруг сзади хлестнула короткая автоматная очередь. Оглянулся. Старшина кого-то выцеливал на гребне обрыва. Автомат затрясся в его могучих руках как игрушка. По склону скатилась каска.

Стоя по пояс в воде, Тасманов вскинул свой "шмайсер" и тоже ударил по гребню. "Патруль. Успел прибежать на дым. Что же Петухов?"

Как бы в ответ на мысли капитана с противоположного берега зачастил тяжелый немецкий пулемет.

Ледяная вода перехватывала дыхание. Сильное течение сносило их вниз, в зону видимости следующего дзота, но они не оглядывались; высоко подняв автоматы над головой, загребали свободной рукой, чувствуя, как тяжелеет намокшая одежда и тащит на дно быстро утомившееся тело.

Они выползли на берег ничейной земли совершенно обесиленные и распластались на самой кромке, понимая, что просматриваются в стереотрубы с ближайшей огневой точки. Пули пока стегали воду, но вот засвистели над самой головой, грозя сплести смертельную свинцовую петлю.

– Вперед, старшина, – прохрипел Тасманов, – накроют.

С немецкой стороны ахнул шестиствольный миномет. Били вслепую по лесу. Там тускло вспыхнули разрывы, и характерный запах, какой всегда остается после разрыва мины, пополз над залитой водой старицей, проник сквозь прибрежный камыш и напомнил Тасманову настоящий бой, в котором разведчикам не так часто приходилось участвовать.

Капитан не думал о смерти. Столько раз приходилось умирать за три длинных года войны, что в сознании прочно утвердилась мысль о собственной неуязвимости.

Они выползли из свинцовой петли, и скоро лес надежно укрыл их. Старшина трижды прокричал совой. На крик приполз Петухов, волоча за собой пулемет.

– Живы, – радостно выдохнул он.

– Кабы не ты,плыли бы сейчас... – отозвался Рыжиков.

– Где Кудря с ребятами? – спросил капитан.

– Порядок, товарищ капитан. – Сержант радовался возвращению товарищей, и улыбка не сходила с его широкого лица. – Тут неподалеку старый польский блиндаж обнаружился, так что в укрытии пацаны.

– Угостил бы водкой, что ли, старшина... – попросил Тасманов, – а то ведь недолго и грипп схватить.

Рыжиков выхватил из кармана фляжку. Капитан отпил три больших глотка, негромко обронил: "Идут..."

В просветах между деревьями показались Долгих и Струткис.

– Ну вот, – удовлетворенно пробормотал старшина, – вся

семья в сборе.

* * *

Хутор открылся сразу. При свете дня он выглядел совсем иначе. Тын на фоне неба черный, железный, и над ним высокая жердь со скворечником. Жердь тонкая, и скворечник качается под порывами ветра. Как пятна нефти, блестели стекла в узких окнах дома.

Они окружили дом, и Тасманов взошел на крыльцо, резко толкнув двери, встал за косяк.

На крыльце появился старик. Красноносый, с набрякшими клюквенными щеками. Он все время щурил один глаз, сверля им разведчиков. На лице его не было ни страха, ни растерянности. Кивком головы он пригласил неожиданных гостей в дом.

– Кто-нибудь есть? – спросил Тасманов по-русски. Старик вскинулся, пристально взглянул на капитана.

Тот грубовато сказал:

– Времени нет, дед. Мы русские... Немцев в округе не видел?

Старик пожевал беззубым ртом, поджал губы, покачал головой.

Капитан быстро вошел в дом и увидел старуху. Она сидела тихо, почти не дыша, и походила на сонную ночную птицу. В руках ее, как сначала показалось Тасманову, было за-

жато лукошко с грибами, но, подойдя ближе, он рассмотрел старую елочную игрушку, сделанную из ваты, – маленькое гнездо с птенцами.

Старуха даже не взглянула на капитана. Казалось, засохшие и готовые вылиться слезы отягощали ее тусклые, пустые глаза.

Дождь звенел по стеклам, стучал по крыше и в прикрытые двери, как человек, уставший в пути.

– Нужно накормить детей, – громко сказал Тасманов, убежденный, что старик понимает по-русски.

Двери распахнулись, Кудря остался на крыльце, пропуская мимо себя ребятишек, которые передвигались из последних сил, а войдя, ложились прямо на пол, и было видно, как мелкая, частая дрожь сотрясает их измученные тельца.

Старик взял Кудрю за рукав и потащил к сараюшке, произнося одно только слово:

– Тенды... Тенды...⁴

Они вернулись, неся на руках по большому хлебцу. Старик торопливо нарезал хлеб большими кусками, достал выдолбленный из липы ковш, крикнул что-то старухе, и та покорно поднялась с места, взяла ухват и полезла в печь.

Не хватило тарелок, старик сокрушенно покачал головой и разлил суп в глиняные большие кружки.

Дети ели молча и сосредоточенно, подбирая крошки, изредка взглядывая на взрослых затуманенными едой глазами.

⁴ Туда... туда... (польск.).

"Откуда у старика свежий хлеб? – думал Тасманов. – Для кого он печет и прячет его в сараюшке? Не для немцев же?"

Капитан вышел во двор. Никого. "Апачи на тропе войны, – усмехнулся Тасманов. – Все подходы перекрыли, а ведь устали-то как".

– Петухов, – тихонько позвал капитан, и тотчас из-за сараюшки появился сержант.

– Григорий, – доверительно и тихо заговорил Тасманов, – дело такое. Отыщешь старое дупло с оружием. Возьмешь запасные рожки с патронами и рацию. Сам прятал – значит, помнишь где...

– Помню, товарищ капитан...

– Лошадь, если она еще там, тоже прихвати. И осторожененько... Немцы нас так не оставят. Много крови мы им попортили. И несем кое-что, чему сейчас цены нет. Понял?

– Понял, Андрей Савостьянович... Сделаю чисто.

– Мне рация нужна, – сказал капитан. – Долгих свою утопил. Мальчонка один у него сильно испугался, когда немец палить начал... Вскочил, качнул плотик...

– Вот оно как, – протянул Петухов.

– И посмотри там... внимательно посмотри, как на границе. Следы фиксируй... считай, что в наряд идешь.

– Есть, в наряд, – улыбнулся сержант.

Петухов не шел, а как бы подкрадывался. Низко согнувшись, держа автомат на изготовку, он подолгу всматривался в густолесье, неторопливо переходил от дерева к дереву, замирал, сливаясь с ним, и снова смотрел до боли в глазах в просветы между соснами.

Капитан рассчитал точно, посылая сержанта за рацией. Служба на границе вырабатывает в человеке то шестое чувство, о котором любят шутя поговорить ученые и писатели.

Еще не видя врага, сержант угадал его появление. Помогли галки, шумливые, заполошные жительницы леса. Они гомонно сорвались с развесистого дуба, покружились над ним и полетели прочь, недовольно вскрикивая.

Петухов прекратил движение и лег прямо на мокрую прошлогоднюю листву, припал ухом к земле. И скоро услышал то, о чем догадывался минуту назад. Среди всхлипов дождя Петухов различил слабый шорох шагов, а точнее сказать, шарканье. И вот в обманчивой серой пелене возник силуэт, за ним другой и чуть поодаль третий.

Гулко застучало сердце. "В подзорную трубу смотрел капитан. Так они нас не оставят. Пятнадцать километров ничьей земли – есть где разгуляться. Разведка или дозор? Идут неслышно, "охотнички".

Сержант пропустил разведку – немцы прошли чуть левее

того места, где он лежал, – и рванулся в сторону, в самую чащу, надеясь там найти себе укрытие.

Завал из полусгнивших деревьев возник в полумгле чащи, как спасательный круг в зеленом океане леса, нашлось и укрытие – нечто напоминавшее медвежью берлогу, поросшее мхом, еще хранящее запах осеннего тлена и полусгнившей хвои.

Сержант смотрел из своей норы на приближающихся немцев. Эти шли не таясь, плотной широкой цепью, поглядывая по сторонам, вздергивая автоматы, словно собирались стрелять. Но не стреляли. Видимо, знали, что цель еще далека.

Петухов неслышно достал единственную гранату и положил ее рядом. Изготовил автомат для стрельбы. Из норы отступать некуда, теплилась слабая надежда, что немцы не прочешут завал. Но и тогда стрелять все равно придется. Для того чтобы предупредить Тасманова. Иначе каратели накروют всю группу.

Не шевелясь смотрел Петухов, как проходили мимо него солдаты в мышиноного цвета шинелях, в натянутых на уши пилотках – каски были не на всех, – как скользнули меж деревьев пулеметные расчеты с двумя тяжелыми МГ. Два плечистых немца пронесли миномет. И тут же следом унтер-офицер провел тяжело завьюченную лошадь.

"Во выюках мины, – догадался сержант, – основательно же фрицевня взялась за дело. Насолили мы им, факт".

Немцы прошли мимо завала, словно его и не было. Они

торопились к хутору. И тогда Петухов выполз из норы.

"Еще повоюем, – усмехнулся сержант, – они у меня еще вспомнят границу, гады".

Больше всего боялся Петухов "скучной", случайной смерти – на войне убивал и шальной осколок, и посланная без цели пуля. По правде же говоря, о смерти сержант думал не часто – в глубине души он надеялся пережить войну и вернуться на родную заставу. Он давно уже точно знал, что сделает, когда придет туда. Гранитную стену своими руками. И впишет золотом всех погибших ребят поименно. Чтобы помнили. Всегда. Вечно.

Теперь он шел не таясь, маскируясь шумом, который создавала спешащая полурота. Сержант догонял завьюченную лошадь. Он понимал, что самое грозное оружие у немцев – два миномета. Расстреляв лошадь, он задержит этих крыс на четверть часа, а то и больше. Пока разгрузят выюки, распределят мины промеж солдатиков, Тасманов успеет оторваться от хутора.

Сержант ошибся. Немцы не задержались возле убитой лошади. Они вообще как бы не обратили на него, сержанта Петухова, должного внимания. Сыпанули очередями на выстрел, оставили с десятков солдат прикрытия и так же поспешно устремились дальше, ведомые железным приказом – окружить хутор.

Оставшиеся немцы, рассредоточившись, понемногу постреливали, но на рожон не лезли.

Петухов размышлял недолго. Такой бой его не устраивал. У сержанта родилась дерзкая мысль – опередить немцев. Для этого нужно было добраться до старого дуба, забрать все запасные рожки к "шмайсеру" – сам ведь прятал, – а их там десять штук, взнудать белую, с подпалинами находку старшины, – а она должна быть там, куда же ей деться, сам призывал, – и ходу по просеке, аллюр два креста.

А что делать дальше – покажет обстановка. Тот, кто верхом на лошади, всегда имеет маневр.

* * *

В той стороне, куда ушел Петухов, возникли одиночные, похожие на треск горящих сучьев выстрелы.

Дети спали, уронив головы на стол, и сон их был как стон.
– Буди, – приказал Тасманов Тихону и обернулся к старике.

– Уходите, – сказал он. – Немцы сожгут вас вместе с хутором...

Старик кивнул, шепнул что-то жене. Старуха проворно набросила на себя кожушок и вышла из дома.

Хозяин хутора отодвинул кованный сундук, нагнулся над одной из половиц и легко поднял ее.

Руки его зашарили под полом, и Тасманов увидел, как из груды промасленного тряпья появился новенький немецкий автомат и несколько рожков с патронами.

– Я – жолнеж⁵, – просто сказал старик. Он пожал капитану руку жесткими, царапающими ладонями. – Але... прошу за мну.

Капитан так и не узнал, что же хотел ему показать хозяин хутора. В дверях возникла фигура Долгих.

– Немцы, – как-то уж очень спокойно доложил он.

Тасманов выскочил на крыльцо и без бинокля увидел за сеткой дождя поле, запруженное, как площадь. Солдаты шли густо, не таясь.

"Это не ягд-команда, – подумал капитан. – У них приказ во что бы то ни стало настигнуть нас. Рота отборных солдат. Многовато. Хотя понять их можно. Такие потери. Разведка и пять эсэсовцев. Да прогулка по тылам. И два дзота – не подсолнушки на солнышке. Теперь фрицы будут чесать всю эту местность под гребеночку. А Петухов погиб..."

Капитан тут же отогнал эту мысль. Не такой он парень, чтобы дать себя вот так просто расстрелять. И гранаты не было слышно.

Ребристую шестисотграммовую "феньку" Тасманов отличил бы от любой немецкой. Ее положено бросать из укрытия – поражаемость двести метров. "Ушел Петухов... надо полагать, ушел..."

– Не стрелять! – крикнул Тасманов и вопросительно посмотрел на старика.

– В ляс... – коротко бросил хозяин хутора.

⁵ Солдат (польск.).

Немцы заметили их. Поле вздыбилось от ураганного огня, но было еще довольно далеко, и автоматные очереди буравили кромку поля, пулеметчики же высоко взяли прицел, и пули посвистывали над крышей дома, а одна из них задела скворечник, и он рухнул на землю, расплескивая голых, невзрачных птенцов.

Тасманов взглянул на ребят, которые жались к Тихону:

– Всем за дом... Долгих – к пулемету. Заставь их залечь.

Пусть минуток пять пожуют землю.

Капитан был уверен, что старик поведет их к просеке, смутно белеющей в трехстах метрах за домом, но хозяин хутора свернул к огороду и, прикрываясь земляным вальчиком, взял немного левее просеки.

"Расчетливый дед, – мелькнула мысль. – Все время держится за строениями. Немцам нас пока не видно, до опушки рукой подать – две перебежки. Ребятишкам придется ползти".

Сзади ударил пулемет. Долгих прижимал развернувшуюся в цепь роту к земле.

Они были уже рядом с опушкой, когда сбоку, с той самой просеки, по которой собирался уходить Тасманов, вывалились две большие группы немцев.

Это было так неожиданно, что в первый момент никто не стрелял. Потом сработал навык. Пять автоматов застрекотали почти одновременно, чуть позже к ним присоединился шестой. Старик стрелял короткими очередями, тщательно

прицеливаясь.

Для немцев встреча тоже оказалась внезапной, теряя убитых, они бросились под защиту деревьев, залегли и повели прицельный огонь по отходящей группе.

Разведчики укрылись за огородным вальчиком.

Дождь поутих, и открылось поле и близкий лес, скользнула по небу светлая полоса – солнце все же прорвалось сквозь тучи – и погасла. Мир, который увидели разведчики чуть просветленным, был ничтожно мал и ограничен.

Ну что ж, они будут драться до последней рукопашной. Война давно стала частью их естества, их судьбой, они славно и достойно жили на этой войне и так же славно умрут во имя победы и своей Родины.

Тасманов достал ракетницу и тут же засунул ее обратно в сумку. Рано. Варюхин со взводом прибудет в квадрат двести шесть не раньше чем через полчаса. Да и увидит ли он ракету в промозгой, словно придымленной, серости неба. Не хватило одного часа. Время на войне стоит жизни. Если бы не дети... Кто мог предвидеть такое.

За домом грохотал пулемет Долгих. Радист бил короткими очередями – сэкономил патроны.

"Варюхин может не увидеть ракеты, но услышит бой, – мелькнула у Тасманова мысль, – и, может, не осторожничал, а гнал галопом".

Тасманов придумывал себе надежду. Он не верил в безвыходность создавшегося положения. Нужно продержаться

как можно дольше. Счет пойдет на минуты.

– Старшина, – позвал капитан.

– Тут я, товарищ капитан, – отозвался Рыжиков, отрывая себе лопаткой окопчик, словно готовился ночевать в нем.

– Возьмешь Струткиса – и в дом. Забаррикадируешься и будешь держать левый фланг. Патроны беречь... Иди...

Рыжиков и Струткис уползли огородом. Замолк пулемет, Долгих расстрелял последний диск.

– Тихон, – негромко приказал Тасманов, – к Долгих. И оба в сарай. Держите поле...

– Есть, держать поле, – отозвался Кудря.

Тасманов остался со стариком и детьми. Прикрытый домом, огород сейчас был самым безопасным местом. Сюда не залетали пули. У немцев же, что залегли на опушке, не было пулемета.

* * *

На подходе к полю Петухов пустил лошадь шагом. Все сложилось удачно. Он быстро оторвался от заслона, разыскал памятный дуб, рассовал рожки по карманам. Лошадь же пришлось ловить, она отвязалась и бродила неподалеку, видимо, давно приученная к укромной поляне, на которой среди обнажившейся прошлогодней травы внимательный Петухов обнаружил просыпанный овес.

Сержанта не нужно было учить верховой езде без седла.

Петухов вырос в деревне, где без лошади не обходилось ни одно дело.

Он выскочил на просеку и погнал галопом, все еще надеясь опередить немцев. Чуток опоздал.

Из-за деревьев были видны и поле, и горящий сарай, и цепь солдат, охватывающая полукругом хутор. Немцы шли в рост, уверенные в своей последней атаке. Из дома раздавались одиночные выстрелы.

"Что же они не уходят огородом к дальней опушке?" – с отчаянием подумал Петухов. И вдруг увидел: из редколесья, о котором он подумал как о единственном пути отступления, не торопясь вышли три группы солдат; растянувшись цепочкой и словно на прогулке, не спеша двинулись к хутору. Вот они достигли кромки поля. Еще две-три минуты, и цепи наступающих соединятся в одно сплошное кольцо.

Для удара по наступающим от опушки немцам его позиция была лучше не придумаешь.

"Пора", – приказал себе Петухов и хлестнул лошадь прутом. Это было последнее мгновение, отделявшее сержанта от черты, за которой начиналась дерзкая, сумасшедшая игра со смертью.

Как бы дальше сложилась его жизнь, прими он другое решение, не может знать никто. Полный доверчивой, здоровой простоты, Петухов не раздумывал о правильности или необходимости своего поступка. Вся предшествующая жизнь подготовила его к этому. Товарищи в окружении ве-

дут неравный бой, и только он сейчас может помочь им, пусть даже ценой жизни.

Сержант стрелял с руки, положив автомат на сгиб локтя.

Не было лучше стрелка в разведке, чем Петухов. Короткие очереди точно находили цель, спрятаться от пуль на поле было негде, и сержант положил человек двадцать, пока, оправившись от первой растерянности, немцы не повели прицельного огня по всаднику.

Тасманов мгновенно оценил маневр сержанта. Он давал всей группе единственный шанс прорваться к лесу и дальше в квадрат двести шесть, куда уже должен подоспеть конный взвод, высланный Дробным.

– Быстро к лесу! – крикнул он старику. – Уводите детей.

И показал рукой направление, в котором нужно было двигаться. Старик сдержанно кивнул головой и поднял ребят.

Тасманов вскинул над головой ракетницу и выстрелил. Раз, другой. Две ракеты прочертили белые дуги и взорвались красным недолгим светом.

Рыжиков, увидев ракеты, ногой вышиб раму бокового окна, коротко выдохнул: "Всем за мной!" – и выпрыгнул во двор.

По полю метался всадник. Сержант отбросил "шмайсер" с пустым рожком и рванул с груди другой. Он успел полоснуть длинной очередью по залегшей цепи, и тут пулеметная трасса достала белую, с подпалинами лошадь. В предсмертной тоске она еще вскинулась, но, ужаленная новыми пуля-

ми, упала на передние ноги и тяжело завалилась на бок.

Петухов успел соскочить с падающей лошади, больно ударился грудью о затвердевший гребень старой пахоты, преодолевая боль, поднял голову и увидел бегущих к опушке разведчиков и детей, развернувшихся в цепь, словно заправские солдаты.

"Капитан придумал, – тепло и благодарно подумал Петухов о командире. – Теперь они ушли... ушли, растаяли".

Сержант пополз к убитой лошади. Другого укрытия на поле не было.

Немцы с двух сторон бежали к опушке, все еще надеясь достать беглецов. На какое-то мгновение они забыли о сержанте, а может, посчитали его убитым. И Петухов ударил с близкого расстояния длинной очередью. Как в тире. Спокойно и холодно. И немцев словно ветром понесло, они отхлынули к самой кромке поля, открывая сектор обстрела для своих пулеметов.

Сержант же не жалел патронов. Восемь полных рожков – не солить же их. Автомат раскалился в его руках. И, не выдержав точного прицельного огня, немецкие автоматчики залегли.

Поле вскипало мокрыми фонтанчиками поднятой земли. Воздух над Петуховым стонал от пуль. Он перестал стрелять и лежал, уткнувшись головой в еще теплый бок лошади, понимая, что теперь ему не уйти из этого бешеного огненного кольца.

Он повернулся на спину и увидел низкие клубящиеся тучи и единственный пронзительный луч снова пробившегося к земле солнца.

Луч протянулся к нему, сержанту Петухову, как рука друга, как надежда, как доброе предзнаменование.

"Это же наши! – задохнулся в нахлынувшем восторге Петухов. – Это же Варюхин с ребятами!"

От просеки донеслась пулеметная скороговорка, и сержант узнал ротный "дегтярь", который он своими руками перебирал за сутки до выхода в поиск. Петухов перевернулся на живот и осторожно выглянул.

В лесу, за домом, что-то коротко ухнуло. И серия фосфорных мин легла правее позиции Петухова, у самой кромки поля.

Мины разрывались с характерным хлопком, разбрасывая вокруг белесоватые куски фосфора, самовоспламеняющегося в воздухе и горевшего ярким белым пламенем.

Сержант вдруг почувствовал, как жарко стало спине. Жар становился нестерпимым, словно тело прожигали раскаленным углем. Один из кусочков горящего фосфора упал на комбинезон разведчика и прожег его, как тонкую бумагу.

Петухов приподнялся – хотел сбросить комбинезон, – так нестерпима была боль, внезапно ощутил резкий тупой удар в грудь и запрокинулся на спину, все еще не веря, что это пуля.

Петухов лежал на разостланной плащ-палатке. Старшина непослушными пальцами рвал индивидуальный пакет. Еще слышались выстрелы, но где-то далеко. Здесь же было тихо, остро пахло хвоей. Тасманов склонился к раненому:

– Гриша... Куда тебя?

– В сердце, кажись... – Едва приметная улыбка тронула немеющие губы Петухова. – Вырвались, Андрюша... И шкоды понаделали Гансам. – Сержант вздрогнул, заторопился: – Парабеллум мой Тихону... Себе возьми бритву... на память. Все... отвернись... умирать буду.

Он замер, плотно стиснув зубы, удерживая стон, и вдруг широко открыл глаза.

– Детишки... все целы? – Шепот был чуть слышным.

– Все... – глухо ответил Тасманов.

– Скажи им... пусть помнят... Сержанта Петухова... пусть помнят...

Тасманов припал головой к груди сержанта и услышал, как остановилось его сердце. Тяжело поднялся, распрямил вздрагивающее, словно от боли, тело. Сбросил с головы немецкую каску. Медленно оглядел каждого из группы, негромко вымолвил:

– Какой человек умер.

И его сильная костистая рука взлетела к непокрытой го-

лове и замерла, как флаг несдавшейся крепости.